

- Махотин Б.А. К живым истокам: Смоленщина в географических названиях. М., 1989.
- Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Писарев С.П. Памятная книга г. Смоленска. Смоленск, 1898.
- Потиха З.А. Современное русское словообразование. М., 1970.
- Томахин Г.Д. Лингвистические аспекты лингвострановедения // Вопросы языкознания. 1986. № 6.
- Трубачев О.Н. Смоленские мотивы // В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 2005.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. М., 1987. Т. 3.

ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА «ЛЮБОВЬ КОММУНИСТА ИВАНА ГОМЗИНА» Д. КАИНЧИНА

У.Н. Текенова

Ключевые слова: триптих, рассказ-коллаж, письмо, любовь, психологизм.

Keywords: triptych, story collage, letter, love, psychology.

Предназначение литературной критики заключается в оценке опубликованных произведений с точки зрения духовной полезности и актуальности художественной формы. Анализ художественных достоинств прозы Дибаша Каинчина (1938-2012), выявление существующих закономерностей в его произведениях, их идейной значимости для современников является основной целью исследователей алтайской литературы. В настоящее время продолжается активное осмысление литературного наследия писателя З. Казагачевой [Казагачева, 2002], Р. Палкиной [Палкина, 2004], Н. Киндиковой [Киндикова, 1992], Т. Шастиной [Шастина, 2006], Э. Чининой [Чинина, 2004], У. Текеновой [Текенова, 2012] и др.

Алтайская литература начала XXI века открыла для читателей новые страницы трагических судеб людей в 1920-х годах прошлого века. Наиболее ярко обозначенные проблемы отражены в рассказах Дибаша Каинчина, изданных в сборнике рассказов «Лунная соната» (2004). Книга вышла на русском языке в переводе автора и его дочери К. Каинчиной. В ее предисловии дается краткая информация об истории создания анализируемых произведений. Эта книга

«вызревала» более тридцати лет. «Созданию триптиха предшествовали поиски в государственных архивах, «начиная с районных, кончая Центральным Архивом Советской Армии в Москве ...» (Д. Каинчин, 2004)¹.

Кропотливая работа с документами, где в «*пожелтевших листах*» миллионы сломанных людских судеб и погубленных душ и вот в результате раздумий и «*прикосновения*» к тому переломному суровому времени и родились эти рассказы. «Времени, да, поистине судьбоносному, мирового значения времени в истории народов и государств, последствия которого «расхлебывать и расхлебывать» не только нам, возможно, и не одному поколению наших потомков ...» (Д. Каинчин, 2004).

Книга значима для читателей не только в аспекте фактографическом, но и в аспекте эстетическом. «... Автор не отрывается от документа, но и не считает его власть абсолютной. Толки и слухи для него реальность, весьма представительная, потому что в их разноречье, порой фантастическом, он улавливает прихотливые пути общих смятений и упований.

То мерцание письма, струящееся и рассеивающееся, которое много-много лет назад поражало в рассказах начинавшего тогда из горно-алтайского села, сегодня обнаруживает себя как стиль, как дыхание, в котором клубится жизнь, названная Толстым роевой жизнью» [Борисова, 2003, с. 126].

Целью данной статьи является исследование соотношения исторического факта и художественного вымысла в рассказе-коллаже «Любовь коммуниста Ивана Гомзина» (2003) и определение специфики развития документально-художественной прозы в алтайской литературе начала XXI века. При этом нами использованы культурно-исторический (И.-А. Тэн, А.Н. Пыпин), психологический (Л.И. Гинзбург, Н.В. Осьмаков), рецептивный (В. Изер, Х.Р. Яусс) методы анализа художественных текстов.

Сборник «Лунная соната» состоит из двух глав – «В те годы юростные, переломные...» и «Родины зов. Сказы». В первую главу вошли два рассказа и триптих «ВЕРА. ЛЮБОВЬ. НАДЕЖДА: «Лунная соната» (декабрь, 2002), «Любовь коммуниста Ивана Гомзина» (февраль, 2003) и «Последняя надежда ссыльного Евсея Боровикова» (май, 2003). Анализируя первый рассказ триптиха, И. Борисова говорит о том, что «в фокусе рассказа не

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводится ссылка на повесть Каинчина Д.Б. *Любовь коммуниста Ивана Гомзина // Лунная соната. Горно-Алтайск, 2004.*

Сыромятников, ...не Кайгородов, ...и не богатей Тобоков..., а сам автор рассказа – сам повествователь, сам исследователь и расследователь перепутавшихся событий, и еще чекист-рассказчик, который действительно знал Сыромятникова...» [Борисова, 2003].

Исследованию этого произведения посвящена статья «Человек на сломе истории в рассказе Дибаша Каинчина “Лунная соната”» (2006) Т. Шастиной [Шастина, 2006].

В основу второго рассказа «Любовь коммуниста Ивана Гомзина» положены подлинные события. Это документально-художественное произведение, которое можно отнести к ретроспективной эпистолярной прозе, написанной на основе архивных материалов. Частный факт из жизни одной семьи превратился в факт художественный. Главные герои произведения общаются между собой через письма, заявления, обращения. Повествование начинается письмом Ивана Гомзина, адресованном жене от 25 апреля 1920 года из села Катанда. Далее, как ответ на письмо, заявление уже в бюро ГКП от Полины (18 мая 1920 года) и Ивана (от 6 мая 1921 года с приложением справки от 5 мая 1920 года) и коротенького послания отца Полины мая месяца 6 дня 1921 года (возможно, было приложено к письму Ивана, так как даты совпадают). Данную переписку замыкает обращение инструктора С. Тарковских от 30 мая 1921 года из Усть-Коксы.

Эпилог состоит из размышления Дибаша Каинчина над дальнейшей судьбой авторов писем и источника их появления в личном архиве писателя. Эпилог начинается с обращения: *«Первым делом, прошу прощения у душ усопших, – если они есть на самом деле, – успокоившихся давным-давно и позабывших наши земные проблемы-мучения, что, может быть, нарушил-потревожил их покой, оживил их боль ...»* (Д. Каинчин, 2004, с. 57).

Известно, что оттого, насколько правдиво и достоверно автор изобразит человеческие чувства, будет зависеть судьба произведения, так как читателю необходима достоверность психологическая. Дибаш Каинчин предложил достаточно реалистическое изображение действительности: его интуиция не обманула – эти резко выделявшиеся среди прочих документов «пожелтевшие несколько, с ладонь, листы» действительно были «живыми».

Это подтверждает высказывание Л. Гинзбург о том, что «своеобразное соотношение существует между жизнетворчеством и документальной литературой. Документальная литература, переводя жизнь на свой язык, в то же время как бы берет

обязательство сохранить природу жизненных фактов. Если, таким образом, житнетворчество строит жизнь по законам искусства, то здесь принцип обратный: документальная литература стремится показать связи жизни, не опосредованные фабульным вымыслом художника. Но отсутствие вымысла не означает отсутствия организации. Построение личности в документальной литературе подчинено эпохальным представлениям о человеке и закономерностям господствующих стилей. В самой этой зависимости сохраняется, однако, специфика документального отношения между действительностью и словесным искусством» [Гинзбург, 1970, с. 8].

Письма, введенные в сюжет рассказа, являются подлинными свидетельствами о фактах прошедшей жизни и хранителями образов «героев своего времени»: *«На эти письма я наткнулся в республиканском архиве, переписал их. Они долго лежали у меня в столе. Среди многотомных канцелярских инструкций, циркуляров, протоколов, докладных, деловых переписок, трагических жалоб, заявлений, среди бесчисленных чиновничьих «ввиду этого, на основании чего, в силу вышеуказанных, настоящим напоминаю, требую выводов и заключений и прочее», в которых все же заключалась и решалась наша судьба. ...И почему они попали туда же, видимо, тоже «приобщали к делу»* (Д. Каинчин, 2004, с. 57–58) (выделено нами. – У.Т.).

В основу рассказа легли материалы, собранные лично самим Дибашем Каинчиным. Но автор приводит не сами записи, а результат их литературной обработки. Группируются они согласно принципам художественного освоения писателем вводимых «документов» (которых никто, кроме автора не видел) и его представлениям функции «монтажа». Термин «монтаж», перекочевав из киноискусства «в литературоведение, ...несколько изменил свое значение. Им нередко обозначается способ построения литературного произведения, при котором преобладает прерывность (дискретность) изображения, его «разбитость» на фрагменты» [Хализев, 2004, с. 290]. По мнению ученого, функция монтажа понимается «как констатация случайности связей между фактами, обыгрывание диссонансов, интеллектуализация произведения, отказ от катарсиса, «фрагментация» мира и непризнание естественных связей между людьми» [Хализев, 2004, с.290].

О себе писатель ничего не сообщает, только из эпилога становится известно о его отношении к изображенным событиям. В

итоге получился подлинный и очень искренний рассказ о молодой крестьянской семье из кержаков-староверов начала XX века.

Дибаш Каинчин расположил переписку Гомзиных в хронологическом порядке. Из общего содержания словно рвутся письма и заявления Ивана, главного и ключевого персонажа произведения. Так становится ясной основная интрига рассказа-коллага: Иван Гомзин – сельский мужик, активный строитель социализма, коммунист, председатель волостного комитета «комячейки», не может повлиять на свою жену, которая бросила детей, хозяйство и уехала в село Алтайское учиться, не хочет больше возвращаться домой, в Катанду. Именно с разрушением индивидуального хозяйства, как основы традиционной крестьянской семьи, происходило преобразование всего уклада жизни жителей деревень. Из содержания писем можно сделать вывод, как «вмешательство» в семейную жизнь со стороны советской власти, давшей женщине-домохозяйке «свободу» на самоопределение, повлияло на героиню (уход из семьи и от воспитания детей). Возможно, Поля (Пелагея) хотела доказать декларируемое в то время равенство женщины с мужчиной, способность самостоятельно принимать решения. Она отказывается быть домохозяйкой, женой, матерью. Разлад в семье они (Иван и Поля) пытаются разрешить через третье лицо – бюро РКП Горно-Алтайского уезда. Судя по датам, «деловая переписка» длилась год (от 25 апреля 1920 года до 30 мая 1921 года) и неизвестно, чем закончилась.

История любви главного героя небольшого по объему рассказа обогащает произведение особой трогательностью. В письмах Ивана, адресованных жене, раскрывается внутренний мир горячо любящего, измучившегося человека, отца детей. Он молил, просил, умолял Полину не совершать необдуманных поступков, а вернуться к детям, семье: *«Дорогая Поля, еще раз прошу тебя и молю, приезжай домой, пожалей детей. Митька прямо высох, тоскует по тебе. Раньше какой был веселый, а теперь ни к кому нейдет. «Мама, мама!» - ночами соскакивает. Неужели у тебя настоль каменное сердце, что не жаль своих детей... Поля, неужели ты не мать им, пожалей, дорогая, не делай их сиротами, чтобы они тебя вечно укоряли ...»*

Приезжай, Поля, молю тебя богом. ... (Д. Каинчин, 2004, с. 54).

Иван просил, убеждал, обещал сдержать слово, оставить их жить отдельно в доме, а самому уйти. Нашел ей работу, даже в

очередном письме отправил справку о том, что она (Поля) принята переписчиком. И все же пишет, что в случае отказа жены возвращаться домой отправит народному судье *«договор, по которому виновная сторона должна отвечать за нарушение брака»* и категорично заявляет, что *«ребятишек не надейся получить», «сам приеду в Алтайск, к тебе, и буду там жить»*.

Несмотря на испытания, которые жизнь поставила перед Иваном, в письме чувствуется волнение пишущего, искренность, чистота намерений и вера в свою жену и ее материнские чувства: *«я не верю тебе, что у тебя не болит сердце о детях, они твои и тебя к себе тянут, как еще притянут, но только, Поля, не опоздай»*. Он в первом письме семь раз повторяет слово *«приезжай»*, обращается к жене *«дорогая Поля», «пожалей, дорогая», «прошу тебя и молю», «молю тебя богом», «еще раз молю богом и заклинаю детьми», «мой ангел», «приезжай дорогой»*.

Автор не скрывает симпатии к своему герою, выделяя его душевную чистоту, благородство, милосердие, преданность в любви и дружбе, душевную щедрость и готовность к самопожертвованию: *«Помни, Поля, что я умру у твоих ног. Это вырешено, так и будет. Ты знаешь меня, я нисколько собой не дорожу, но пропаду вблизи тебя и через тебя»*. К письму Иван делает приписку, что *«Товар весь я берегу для тебя. Только ребятникам сшили по рубашке»* (Д. Каинчин, 2004).

Но в ответ лишь холодное заявление (датированное 18 мая 1920 года), адресованное Предбюро ГКП от кандидата РКП Палаген Гомзиной, которая просит *«оградить ... от преследований мужа Ивана Гомзина»* и обвиняет его в вымогательстве (разговор идет о деньгах, одежде, вещах), пишет об угрозах со стороны отца своих сыновей. О детях лишь одно предложение: *«Помимо этого он меня привлекает через милицию за нежелание содержать детей, которых сам же не отдает»* (Д. Каинчин, 2004).

Отчаявшийся мужчина обращается в Горно-Алтайское уездное бюро РКП уже с заявлением: *«С уходом от меня жены, у меня на руках осталось двое детей. Хозяйство без присмотра окончательно падает. Товарищи бросают упрек, что отпустил жену на курсы, которая не вернулась, захватив у меня некоторые вещи. И не у кого-либо другого ...»* (Д. Каинчин, 2004).

Иван сетует на ослабшее здоровье, на невозможность *«часто посещать комячейки, через это дисциплина в последних падает, появилось обратное желание выйти из партии»*. Он считал себя *«недостойным коммуниста»* и просил снять его с должности секретаря вол парткома или (не теряя надежды) *«прошу более*

требовательнее содействовать выезду в вол партком переписчика Гомзину Полину Филаретовну» (Д. Каинчин, 2004).

С первых же строк обращения видно, что оно уже не первое. Иван Гомзин мечется между личным и общественным. Ничто человеческое не чуждо положительному герою, но он не умеет управлять своими чувствами и не может дать возобладать личным мотивам в общественных делах. Из-за этого Иван считает себя «недостойным коммуниста» и пишет в заявлении: *«... Ввиду этого убедительно прошу уволить от должности секретаря вол парткома и назначить более достойного и энергичного человека»* (Д. Каинчин, 2004). Любовный мотив в произведении приобретает особую аксиологическую выразительность. Именно с этой точки зрения конфликтные ситуации между супругами, между Гомзиным и комячейкой значительно заострены. При этом внешние факторы раскрытия жизненной ориентации Ивана выступают как моменты самосознания. Ценности и антиценности не утверждаются, а рождаются и опровергаются в диалогическом общении.

Очень трогательно письмо отца Полины, полное родительской любви и нежности. Он обращается к дочери с просьбой вернуться домой: *«Дорогая доченька Полина, вертайся домой. Мама твоя болеет через тебя, слегла. Брата твоего Терентия через тебя могут выслать, грозятся. Я скатал тебе валенки, они ждут тебя, я не даю никому, чтобы ты носила на здоровье»* (Д. Каинчин, 2004).

Интересно обращение в Убюро РКП тов. Правда, номер 2560 и 2612, под заголовком «О физическом и душевнобольном состоянии секретаря Катандинского волкома РК Гомзина Ивана» от 30 мая 1921 года инструктора С. Тарковских. В нем открыто говорится про заявление о выходе Ивана Гомзина из партии, который трактуется как *«очень нежелательный пример столь темным и несознательным членам всей волостной организации»*. Поэтому Ивану дают отпуск на 2 месяца (перевести детей в Алтайское и самому подлечиться). Далее С. Тарковский сообщает, что из личной беседы с Иваном Гомзиным он убедился, что болезнь его от того, что любит. Приведем текстовое подтверждение: *«Он через силу влюблен в нее (Полину – пояснение наше), а потому не считается ни с чем. ... Если ранее в прежние года, были с его стороны против ее убегая приняты разные карательные меры, то именно потому, чтобы угрожать ей от дальнейших убегающих, но любить-то он ее любил. Религиозности и суеверия у него несколько нету, это он только выражает на страх жены, к возвращению какой-либо он примет всевозможные меры. Он в полном сознании и*

всесторонне соответствует коммунисту. Только же инстинкт любви к жене сильнее его» (Д. Каинчин, 2004) (выделено нами. – У.Т.).

Именно любовь, как самое непредсказуемое и противоречивое человеческое чувство, становится в произведении «материализацией» интимно-личностного начала, чего так не хватало в алтайской прозе о событиях 1920-х годов. В заявлении Поли звучат более жесткие, сухие слова и фразы, незаметны материнские чувства к двум малым детям и нет любви к мужу: *«принять меры», «оградить», «угрожал убить, грозит занести на черную доску»*. Она твердо убеждена, что *«высылка под конвоем к мужу ... в Советской республике недопустимо»* (Д. Каинчин, 2004). Из письма же Ивана мы читаем, как он пытается убедить ее: *«... Приезжай, работа тебе найдется здесь. Будешь заведовать клубом, библиотекой. Союз молодежи восстановили снова. Все тебя примут, вспомни, как тобой дорожили. Неужели тебе охота на черную доску?»* (Д. Каинчин, 2004).

Рушилась «основа ячейки общества» – семья. Иван изо всех сил пытается сохранить домашний очаг. В 20-е годы прошлого столетия в авангарде советского феминистического движения находились женотделы, целью которых был подъем политического сознания женщин. Возможно, учеба на курсах дала бы Полине возможность сделать и политическую карьеру (из заявления читаем, что она – «кандидат РКП»). Слишком дорогой ценой досталась для Полины свобода, которую дала ей советская власть. Свобода стала для нее дороже детей и семьи. Нравственный уровень Поли сомнителен и может вызвать у читателей только осуждение. Показ противоборствующих начал в психологии героев «переходного времени», неоднозначность, дисгармония человеческого естества – именно это привлекало Дибаша Каинчина и раскрыто им в произведении с большой художественной силой.

Писатель не ставит цели показывать внешние портреты, действия и поступки своих героев, раскрывающие характер и неповторимое своеобразие личности. Внутреннюю жизнь, переживания, думы и заботы Ивана Гомзина автор не комментирует, оставляя это право за читателями. Здесь на первый план выдвинулось душевное состояние, большое человеческое чувство автора главного письма, вокруг которого завертелись все события, о которых мы узнаем из писем и обращений.

Взаимодействие эпистолярного жанра с прозой многофункционально. Здесь письма, содержащие описания прошедших событий, участвуют в создании основного сюжета рассказа. Включение их позволило автору избежать резко

субъективных оценок поступков главных персонажей, о которых читатель узнает из писем, и способствует более глубокому осмыслению психологического портрета Ивана Гомзина, вызывая прежде всего симпатию и сострадание. Из названия произведения видно, что Иван Гомзин – яркий представитель советов, коммунист.

В рассказе отсутствуют бытовые подробности, картины природы, художественные детали. Но все же из письма Ивана и отца Поли мы можем сделать вывод, что семья не бедная. Иван имеет «хозяйство», «посеял хлеба две десятины», собирается «переправлять» избу. Дети одеты-обуты. Отец «скатал ... валенки» для дочери. До Октябрьской революции село Катанда было богатым, люди жили в достатке.

Придерживаясь законов документального жанра, Дибаш Каинчин интересовался (скорее всего, подсознательно) тем, что невозможно придумать историю души, а не сам факт. Его заинтриговала история чувств Ивана. В чувствах в этом мире все равны. Как известно, «событие, рассказанное одним человеком, – его судьба, многими людьми – это уже история» [Алексиевич, 1998, с. 5]. Мотивы, подтолкнувшие Ивана написать письмо жене – вера, любовь, и надежда. Дибаш Каинчин очень точно подметил в содержании письма Гомзина речевые детали, раскрывающие глубинную сущность психологического состояния автора письма и драматизм ситуации. Показывая трагедию одного человека, его психологию, внутренний мир, писатель одновременно дает знак задуматься о несостоятельности строящегося в то время социалистического мира. Через душу человека мы видим душу времени. Из писем Ивана Гомзина читатели узнают личные и общественные отношения, семью, быт и естественное течение жизни на примере трагедии одной семьи в двадцатые годы XX века.

Это произведение на редкость драматично. Автор выстраивает полученные документы так, что из них встает историческое время: на примере одной семьи создается картина строительства социализма и появления под его влиянием крестьянки нового типа – крестьянки-активистки, женщины-коммунистки. В центре – события эпического масштаба. Писатель поднимает проблему, идущую с 1920-х годов – подъем политического сознания женщин и феминистического движения в стране советов и его отражение на семейных устоях. Поставленная и реализованная в рассказе цель наложила отпечаток на выбор жанровой формы произведения.

Рассказ, как и роман, – неканонический жанр [Тамарченко, Тюпа, Бройтман, 2004, с. 387]. Документально-художественный рассказ-

коллаж «Любовь Коммуниста Ивана Гомзина» Дибаша Каинчина – это проза, созданная благодаря искусству отбора и монтажа материала. Через письма, заявления, обращения «писатель соединяет голоса в хор, создает ораторию», в которой все «соединено с ... авторской речью, интонацией, его, писателя, замыслом...» [Гранин, 1988, с. 26]. В них звучит множество голосов, что-то дополняя и высвечивая друг в друге и что-то убирая. Искренность рассказа-коллажа подкупает. В переписке изложены события из личной жизни Ивана и Полины Гомзиных на фоне современной им действительности, история падения, метаний и заблуждений. Это документы, и в то же время – не само время, а образ времени, образ эпохи перемен. Автор собирал детали, подробности, чувства и откладывал в свой личный архив. Задумав показать всю сложность явлений строительства молодой страны советов, писатель не вступает в полемику со своим адресатом, но в эпилоге делится с читателями своими рассуждениями.

Автор выбирает для своего повествования единственно возможный жанр – рассказ-коллаж. Дибаш Каинчин реконструирует событийную канву 1920-х годов. Выводов он не делает. Коллаж отрицает понятие целого, так как является фрагментом и состоит из фрагментов, которые могут получать только оперативные определения через свой контекст взаимодействия. Особенность мышления мастера художественного слова в том, что оно способно создать целостный образ и впоследствии расщепить его на частицы, соединить несоединимое, видеть смысл и глубину в обычных вещах. «Ситуация рассказывания», начатая в первом рассказе триптиха «Лунная соната», продолжилась во втором [Тамарченко, Тюпа, Бройтман, 2004, с. 303].

Финал рассказа-коллажа «Любовь коммуниста Ивана Гомзина» остается открытым. Как сложилась дальнейшая судьба Ивана и Полины *«можно фантазировать бесконечно. Да, неисповедимы повороты судеб человеческих»* (Д. Каинчин, 2004, с. 58).

Таким образом, художественный прием, выбранный писателем, стал наиболее подходящим для рассказа «Любовь коммуниста Ивана Гомзина». Коллаж, отрицая изолированность своего внутреннего пространства, преодолевает ограничения художественных границ, что позволяет нам вести его обсуждение не по традиционным правилам имманентного анализа, а с обязательным учетом взаимодействия между коллажем и контекстом его представления. Форма коллажа оказалась удобной именно благодаря новым представлениям о свойствах художественной формы: ее подвижности, свободы, ее метафоричности, ассоциативной емкости.

Дибаш Каинчин, используя принцип полярного размежевания характеров, создал произведение с исторической тематикой, отличающееся полнотой реалистического жизнеописания и яркой художественной колоритностью. Переписка в рассказе-коллаже «Любовь коммуниста Ивана Гомзина» воспроизводит особенности типологического конфликта эпохи: противопоставление прошлого и новой жизни. В центре повествования – судьбы людей удаляющейся эпохи существенной ломки общественных, нравственных жизненных устоев, переоценки ценностных ориентиров.

Литература

- Белянин В.П. Психологическое литературоведение. М., 2006.
Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., 1977.
Гинзбург Л.Я. О документальной литературе и принципах построения характера // Вопросы литературы. 1970. № 7.
Гранин Д.А. Милосердие. М., 1988.
Изер В. К антропологии художественной литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/research/2009/02/27/izer.html>.
Казагачева З.С. Опыт прочтения прозы Д. Каинчина в ракурсе эпических произведений // Художник слова. Горно-Алтайск, 2002.
Киндикова Н.М. Ыбаш Каинчиннин телекейи. Горно-Алтайск, 1992.
Осьмаков Н.В. Психологическое направление в русском литературоведении. М., 1981.
Палкина Р.А. Каинчин Д.Б. Литературный портрет // История алтайской литературы. Горно-Алтайск, 2004.
Пыпин А.Н. История русской литературы в 4-х тт. СПб., 1898-1899.
Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы. М., 2004. Т. 1.
Текенова У.Н. Художественный мир Дибаша Каинчина. Горно-Алтайск, 2012.
Тэн И. История английской литературы. Введение // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты. Статьи. Эссе. М., 1987.
Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2004.
Чинина Э.П., Анатпаева Н. Ой ло телкем. Д. Каинчиннин куучындарында // Алтай тилдин курч сурактары. Горно-Алтайск, 2004.
Шастина Т.П. Человек на сломе истории в рассказе Дибаша Каинчина «Лунная соната» // Художественный текст: варианты интерпретации. Бийск. 2006.
Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. М., 1995. № 12.

Список источников

- Алексиевич С. У каждого – своя тайна: Монолог о времени и о себе // Литературная газета. 1998. 11.03.
Борисова И. От кого и где слышал. Реальный документ и авторские фантазии Дибаша Каинчина // Первое сентября. М., 2003. № 61.
Каинчин Д.Б. Любовь коммуниста Ивана Гомзина // Лунная соната. Горно-Алтайск, 2004.